

Необходимое объяснение

В Варвикском замке мне пришлось беседовать с одним интересным иностранцем, о котором я и хочу рассказать. Он привлек меня к себе тремя своими достоинствами: искренней простотой, замечательным знанием древнего рыцарства и тем спокойствием, которое исходило от него, поскольку все время он говорил почти один. Мы чувствовали себя, как чувствуют себя все скромные люди, сидящие у потухающего камина, а он, мой собеседник, говорил о таких любопытных вещах, которые были мне необыкновенно интересны. Он рассказывал мягким, плавным и ровным голосом и, казалось, незаметно переносил меня и из этого мира, и из этого времени в самую отдаленную эпоху и в давно забытую страну; постепенно он очаровывал меня, так что мне начало казаться, словно меня окружают призраки и тени среди пепла и праха седой старины и я беседую с одним из ее выходцев! Действительно, как я бы говорил о своих самых близких друзьях, или о моих личных врагах, или о соседях, так он рассказывал мне о сэре Бедивере, о сэре Борсе де Ганисе, о сэре Ланселоте Озерном, о сэре Галахаде — о других великих рыцарях Круглого стола. Когда он говорил об этом, то вся его внешность преобразилась: он выглядел таким старым-престарым, невыразимо старым; каким он мне показался тогда высохшим и выцветшим и древним! Но вот он повернулся ко мне и спросил так просто, как обычно спрашивают о погоде или о какой-либо другой, совершенно обыденной вещи:

— Вам, конечно, известно о переселении душ? Знаете ли вы о перенесении тел из одной эпохи в другую?

Я ему ответил, что никогда не слышал ничего подобного. Казалось, мой ответ слишком мало интересовал его и он даже, вероятно, и не расслышал, ответил ли я ему что-либо или нет, точно у нас действительно шел разговор о погоде. С полминуты длилось молчание, но вот тишина нарушилась монотонным возгласом наемного проводника:

— Древние латы шестого столетия, времен короля Артура и Круглого стола, говорят, принадлежали сэру Саграмору Желанному; заметьте, здесь на левой стороне кольчуги находится круглое отверстие: откуда оно появилось, неизвестно в точности, предполагают, что эта пробоина была сделана еще до изобретения огнестрельного оружия. Скорее всего, этот выстрел был шуткой какого-нибудь солдата Кромвеля.

Мой собеседник улыбнулся при этих словах, но это была не современная, какая-то странная улыбка — так, возможно, улыбались несколько сотен лет тому назад. Затем он проворчал себе под нос:

— Хорошо же он это знает, я видел, когда это было сделано!

Затем, после небольшой паузы, он прибавил:

— Я сам это сделал!

Я вздрогнул и не успел опомниться от изумления, как незнакомец скрылся.

Весь остальной вечер я просидел у камина, думая о давно минувших временах. Дождь немилосердно стучал в стекла окон, а ветер выл, как дикий зверь. Время от времени я заглядывал в книгу сэра Томаса Мэлори, в которой рассказывалось так много чудесного и несбыточного, а затем опять предавался своим прежним мыслям. Наконец наступила полночь; на сон грядущий я взял прочитать другую повесть, а именно о том...

...Как сэр Ланселот убил двух исполинов и освободил от них замок

...Вскоре на него напали два исполина, вооруженные с ног до головы; в руках у них были две громадные палицы. Сэр Ланселот прикрылся щитом и отразил удар одного из исполинов, затем быстро вынул меч и отрубил ему голову. Когда другой исполин увидел это, то бросился бежать, испугавшись страшных ударов, нанесенных его товарищу; но сэру Ланселоту погнался за ним, ударил его по плечу и разрубил беглеца пополам. Избавившись от исполинов, он отправился в замок, откуда навстречу ему вышли около шестидесяти дам и девушек; все они преклонились перед ним и возблагодарили его и Бога за свое освобождение. «Ах, сэры, — сказали они, — большая часть из нас уже семь лет здесь в плену; нас принуждали делать различные работы, вышивать шелком, чтобы заработать себе на еду, а между тем все мы благородного происхождения. Благословен тот день и час, рыцарь, когда ты увидел свет Божий; назови нам свое имя, и мы прославим тебя, расскажем нашим родным и друзьям, кто нас освободил из неволи! Ведь ты достоин почестей, как ни один другой рыцарь в мире». — «Прекрасные леди! — сказал он, — мое имя сэры Ланселот Озерный!»

С этими словами он оставил их и уехал, поручив их милосердию Божьему. Ланселот вскочил на коня и объездил много чудесных и диких земель; приходилось ему и переправляться через реки, и мчаться по плодоносным долинам; много натерпелся он и дурного. И нигде не приняли его, как он того заслуживал. Но вот однажды ночью он подъехал к красивой усадьбе и встретил там благородную пожилую леди, которая поместила его у себя, накормила, напоила, а также приказала дать корму и его лошади. И когда пришло время, сэры Ланселот отправился

в отведенное ему помещение, где ему была приготовлена удобная постель, и лег. Не успел он еще заснуть, как услышал конский топот и затем сильный стук в ворота. Сэр Ланселот быстро вскочил с постели и посмотрел в окно: при свете луны он увидел, что к усадьбе приближаются три рыцаря, которые спешили по следам того, который приехал первым и уже стучал в ворота. Все трое, подъехав ближе, вынули свои мечи и напали на него. Тот стал защищаться. «Конечно, — подумал про себя сэр Ланселот, — я должен помочь первому рыцарю, на него напали трое; если этот несчастный будет убит, то я буду виновен, будто окажусь их сообщником и покрою себя позором». Он живо облачился в свои латы, спустился из окна по простыне к рыцарям и громко обратился к ним: «Рыцари! Сражайтесь со мной и оставьте этого одинокого рыцаря!» Тогда все три рыцаря оставили сэра Кэя и набросились на сэра Ланселота. Развернулась жестокая битва: на сэра Ланселота напали все трое и начали наносить ему удары со всех сторон. Тогда сэр Кэй хотел помочь сэру Ланселоту, но последний сказал: «Нет, я не хочу, сэр, чтобы мне помогали, оставьте меня одного бороться с ними». Сэр Кэй вынужден был исполнить его волю и остался стоять в стороне. А сэр Ланселот шестью ловкими ударами повалил на землю всех трех рыцарей.

Тогда все трое воскликнули: «Сэр рыцарь! Мы уступаем тебе как человеку, с которым в силе никто не может сравниться, так как нет никого подобного тебе!» — «Мне не нужно уступать. Вы должны уступить не мне, — возразил сэр Ланселот, — а сэру Кэю, сенешалю, только на таком условии будет дарована вам жизнь. Если вы не согласны, я вас убью». — «Прекрасный рыцарь! — ответили они. — Мы не желаем этого; мы гнались за сэром Кэем до самых ворот замка и, конечно, победили бы его, если бы ты не вмешался, потому нет никакой причины нам покоряться

ему». — «В таком случае, — возразил сэра Ланселот, — как хотите, выбирайте между жизнью и смертью; хотите покориться, так покоряйтесь сэру Кэю...» — «Прекрасный рыцарь! — сказали они. — Ради спасения наших жизней мы исполним твое приказание». — «Хорошо, — продолжал сэра Ланселот, — в день Святой Троицы вы должны все трое отправиться ко двору короля Артура, выразить свою покорность королеве Гиневре, полагаясь на ее милость, и сказать, что сэра Кэй вас послал к ней и приказал стать ее пленниками».

На следующий день, утром, сэра Ланселот встал очень рано, а сэра Кэй еще спал; тогда сэра Ланселот взял латы, оружие и щит сэра Кэя, надел все это на себя, затем вывел из конюшни его лошадь, простился с хозяйкой и уехал. Вскоре проснулся сэра Кэй и увидел, что сэра Ланселот взял его оружие и уехал на его коне. «Клянусь моей верой, — сказал он сам себе, — что у сэра Ланселота будут неприятности при дворе короля Артура: подумают, что это я; он станет подстрекать моих врагов, а те, обманутые таким образом, примут его за меня и будут нападать на него. Я же, с его оружием и прикрываясь его щитом, смогу продолжать путь в полной безопасности». Простившись с хозяйкой, сэра Кэй отправился далее...

Только я опустил книгу на колени, как послышался стук в дверь — это был незнакомец. Я предложил ему трубку и стул; затем, в ожидании его рассказа, угостил его стаканом шотландского виски; он выпил один стакан, потом второй, третий и лишь после четвертого стакана он начал говорить совершенно спокойным и естественным голосом.